

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Уроки
Корнея
Чуковского

ДОКУМЕНТ

Сколько раз приходилось мне читать и слышать, как на вопрос: «Кто были вашими первыми наставниками и учителями?», литераторы самых разных поколений и направлений отвечали: «Великие наши классики!»

Все это несомненно и так. Без обращения к классическому наследию становление писателя невозможно. Но счастливы те, кому довелось ощутить внимание и поддержку опытного мастера-современника, услышать его доброжелательные советы, критику, подчас строгую, но всегда справедливую.

В моей жизни таким мудрым наставником был Корней Иванович Чуковский... Впрочем, если внимательно прочитать сборник воспоминаний о нем, то легко убедиться в том, сколько молодым литераторам дарил он свое внимание, заботу, как радовался их успехам, как строго высказывал за небрежность и легкомыслие молодости, если это касалось работы.

Главной страстью Чуковского, я бы даже сказала — его религией была великая русская литература. Корней Иванович часто повторял, что творения Пушкина, Толстого, Достоевского, Некрасова, Чехова, Горького и других наших классиков — не просто произведения высочайшего искусства, а еще и учение о человеческом достоинстве, принципиальности, доброте, честности, призыв к справедливости, социальной и общественной. И эту свою любовь к литературе, свое понимание ее значения в духовной жизни Родины он старался вложить в сердца молодых.

Мне уже приходилось писать о том, что познакомились мы с Корнеем Ивановичем осенью 1942 года, когда он ненадолго приехал в Москву из Ташкента. Две недели, что он пробыл в Москве, мы виделись почти ежедневно. Я тогда поступила на первый курс Литературного института (до этого училась в историко-архивном), писала и печатала стихи. Каждый раз, когда я приходила к Чуковскому, он прежде всего подробно расспрашивал меня о том, какие были сегодня лекции, написали ли что-нибудь интересное мои однокурсники, интересовался творческими семинарами, которые вел у нас Илья Львович Сельвинский. Помню, как я однажды рассказала, что к следующему занятию Илья Львович дал нам задание написать стихи про грибы. Корней Ивановича это очень позабавило, и, когда я пришла после очередного занятия, он еще в прихожей спросил меня:

— Как прошел «грибной» семинар? Я рассказала, что Александр Соколовский, например, написал поэму о египетских фараонах, которые любили лакомиться грибами, и их враги, пользуясь этой слабостью, нередко отправляли на тот свет своих соперников при помощи грибов ядовитых... А Галина Шергова, с помощью которой уже тогда политическим темпераментом, на «грибном» фоне развернулась широкая картина идеологической борьбы, где в роли крепеньких боровичков выступали представители нашей страны, а западные деятели изображались в виде поганок и мухоморов, чьей политике грозил неминуемый крах.

— Вот видите, — смеялся Корней Иванович, — даже такое невинное создание, как гриб, может дать повод для самых

различных ассоциаций и толкований. Правда, насчет египетских фараонов я сильно сомневаюсь... Ну, а вы что написали?

Я прочла ему коротенькое стихотворение, которое кончалось такими строчками:

*Глядит на муравьиные затеи,
Под солнцем нежится*

*в березовой тиши,
Родившись утром, к вечеру стареет —
И жить торопится, и чувствовать спешит!*

— Предпочли личное общественному? — лукаво подмигнул мне Корней Иванович. — Что ж, Герцен говорил, что только на основе свободы личности может вырасти и развиваться свобода целого народа!

И начался долгий разговор о Герцене и его современниках, который завершился фразой Корнея Ивановича, сыгравшей, может быть, решающую роль в моей литературной работе.

— Стихи — это прекрасно! — сказал Корней Иванович. — Но занялись бы вы еще и полезным делом: изучением великой русской литературы!

От изучения литературы он требовал такой же скрупулезности и педантичности, как при занятиях науками точными. Он заставил меня прежде всего выучить даты рождения и смерти (обязательно месяц и число!) всех русских классиков, начиная с Ломоносова и Радищева и кончая Блоком и Маяковским.

— Представьте себе, — говорил Корней Иванович. — Что вам придет в голову написать историко-литературную повесть. (Признаюсь, что тогда мне это в голову не приходило!) И вы сообщите читателю, что такой-то встретился с имярек. А выяснится, что имярек уже три месяца как скончался! Прочел я тут у одного автора, что Герцен умер в Лондоне, не удосужившись проверить, что Александр Иванович скончался в Париже. Видно, решил, раз «Колокол» издавал в Лондоне, значит, и смерть там встретил... Стыдно! Учитесь у Тютчева! — воскликнул он. — Когда с ним разговариваю, мне кажется, что я не только умственно, но и физически переносюсь в XIX век. Талантливый писатель, великолепный стилист, он, заметьте, всегда отталкивается от документа и лишь потом дает волю фантазии. Необходимое свойство для писателя-историка — соединять документальность с художественным домыслом. Генрих Гейне говорил, что народ хочет принимать историю из рук поэта, а не историка. То есть из рук художника. Потому что по-настоящему можно полюбить историю лишь тогда, когда она наполнена для нас живыми людьми, когда великие деятели не просто бесплотные тени прошлого, а реальные характеры, со своими сложными и противоречивыми судьбами, достоинствами и недостатками. Учили вас этому в вашем историко-архивном институте? И еще советую почитать историка Костомарова. Как пишет, как пишет! Какие портреты, какие характеры! Его у нас пока не переиздают, ну, да это пройдет! В России надо жить долго...

Корней Иванович уехал в Ташкент, и мы переписывались. Перед отъездом он подарил мне книгу писем Тургенева и пред-

ложил написать статью о взаимоотношениях Тургенева и Толстого. В каждом письме он настойчиво напоминал: «Читаете ли вы материалы по Тургеневу? Я не сомневаюсь, что материалы Вас увлекли, но что Вы с ними сделали? Удалось ли Вам их использовать? Добыли ли Вы новые? Хватило ли у Вас времени и терпения возиться с этими архивными прелестями?»

В другом письме: «Мы 7-го выезжаем в Москву... Приходите на ул. Горького... Принесите все Ваши стихи и статью о Тургеневе».

Статью о Тургеневе я не принесла, потому что не сумела ее написать, однако материалы изучала очень тщательно, но об этом чуть позже...

Возвратившись в Москву весной 1943 года, Корней Иванович часто выступал в школах, библиотеках и других аудиториях. Несколько раз он брал меня с собой, и это тоже стало для меня своеобразной школой. Я не уставала дивиться его умению завоевывать любую аудиторию, будь то малыши, с восторгом слушавшие его сказки, или же старшие школьники, которым он рассказывал о Некрасове, сам увлекался и заражая слушателей своей увлеченностью, влюбленностью в некрасовские стихи.

Порой Корней Иванович так «выкладывался», что лицо его становилось серым, усталым, — ведь было ему тогда уже больше шестидесяти! Но если кто-нибудь говорил, что, может, не стоит тратить силы и время на выступления, он сердито отвечал: «Интеллигенция в России всегда считала просветительство одной из главных своих обязанностей! Если мне удалось в души хотя бы нескольких ребятишек заронить искру любви к русской поэзии, значит, не зря потрачены и силы и время...»

Как часто теперь, возвращаясь усталая после выступлений, где рассказываю слушателям о декабристах и Герцене, Блоке и Марине Цветаевой, о Фадееве и Светлове, вспоминаю я эти слова Чуковского!

Однажды — это было уже после войны — встретились мы с Корнеем Ивановичем на переделкинских дорожках. Я шла, окруженная своими детьми. Корней Иванович, как всегда, ласково поздоровался с нами, стал шутить с малышами, пригласил их побегать наперегонки, а когда игра была окончена, строго обратился ко мне:

— Уж не принесли ли вы занятия литературой в жертву материнским и супружеским обязанностям? Что-то я последнее время ничего вашего не читал?

Я ответила, что по-прежнему много занимаюсь, как он говорит, «архивными прелестями», делаю выписки, кое-что даже набрасываю, а печататься... когда муж у тебя известный писатель, кажется, мне не совсем этично, могут подумать, что «по благу»... Никогда не забуду его острого, пристального взгляда, не то грустного, не то чуть насмешливого взгляда, который он долго не сводил с моего лица, а потом вдруг медленно проговорил:

— Что ж, занятие литературой — дело целомудренное... — и, быстро переменяя тон, лукаво добавил: — Запомните: дети не помеха! Счастье, что можете каждый день слушать детскую речь, слушайте, запоминайте, записывайте, глядишь, и меня переоголяет! — и мы дружно засмеялись.

В начале шестидесятых годов издательство «Детская литература» поручило мне написать предисловие и послесловие к главам из книги Герцена «Былое и думы». Это была моя первая самостоятельная ли-

тературоведческая работа для печати, и, перед тем как отдавать ее в редакцию, я решила показать рукопись Корнею Ивановичу, ведь именно книга, подаренная им еще в 1942 году, открывалась письмом Тургенева к Грановскому, в котором тот сообщал ему о смерти их общего близкого друга — Николая Станкевича. Письмо Тургенева и натолкнуло меня на подробное изучение этой эпохи.

Зимним морозным днем пришла я на дачу Чуковского с намерением оставить рукопись, чтобы он на досуге просмотрел ее. Но Корней Иванович сам встретил меня, провел на второй этаж, в кабинет, усадил рядом с собой за письменный стол и начал фразу за фразой вслух читать мою статью. Он потратил на меня целый день своего драгоценного времени — ведь было ему в то время уже 80 лет! Ни один институт, ни одна лекция не могли дать мне столько, сколько этот снежный день в Переделкине, проведенный с Чуковским!

Мы прерывали чтение, обедали, гуляли, но разговор наш шел все о том же — о Герцене, Огареве, Грановском, Наталье Александровне Герцен, о Тучковой-Огаревой, о Белинском, Щепкине. Кетчере, о сложных и трудных их взаимоотношениях. Мы спорили о роли Некрасова и Панаевой в деле об огаревском наследстве, печалились, как мало знают у нас о Станкевиче... Потом снова возвращались к письменному столу.

Вот Корней Иванович читает вслух длинную фразу, медленно читает, и на лице его удовлетворение:

— Я все ждал, как вы вывернетесь из этого сложного построения, но ничего, фраза, оказывается, встала на все четыре лапы, как кошка, когда ее бросают...

От гордости у меня замирает сердце. И вдруг тут же, с брезгливым ужасом:

— Что это?! «Они бросились друг к другу, как братья после долгой разлуки...». Пошлость! Может, еще напишете: «Толпа гудит, как потревоженный улей»? Или: «Она прижалась лбом к холодному стеклу»? Кто-то придумал, что когда человек взволнован, он прижимается лбом к холодному стеклу, чушь какая-то! А «новорожденные листочки», между прочим, украли у Достоевского! Да-да, может, и не нарочно, но украли! Прилипчивая болезнь — литературные штампы, все это понимают, даже говорить об этом уже неудобно, а откроешь журнал, и в глазах пестрит от штампов и красивостей... Вот как Лермонтов писал: «Я ехал на перекладных из Тифлиса». Или: «Тамань — прескверный городишко». Ни одного лишнего слова! А инои писателю так и хочется сказать: каждое твое слово лишнее!

Спустя некоторое время я снова обрушила на Корнея Ивановича еще одну свою работу — повесть «Воробьевы горы», о детстве Герцена и Огарева. На этот раз он положил рукопись на стол, а мне предложил пойти вместе с ним прогуляться. По дороге он словно бы невзначай зазел речь о тех людях, которые — он догадывался — должны были действовать в повести, припоминал какие-то незначительные эпизоды, а я и не замечала, что держу экзамен! Когда мы вернулись в дом, Корней Иванович сказал весело:

— С материалом вы знакомы, это я понял. А теперь прочтем одну главу, ту, которая вам меньше всего нравится!

Мы так и сделали. А прощаясь, Корней Иванович повторил то, что я уже не раз слышала от него раньше:

— Смело несите в редакцию! Непременно — смело! Хождение по редакциям тоже входит в понятие писательского труда...

Позже, когда я начала работать над книгой «Жизнь и стихи», об Александре Блоке, как помогали мне увлекательные рассказы Корнея Ивановича о встречах с поэтом. А с каким вниманием слушал он о моих поездках в Шахматово, тогда ведь там еще почти никто не бывал. Его интерес поддерживал во мне уверенность в нужности моей работы.

Корней Иванович умел ценить юмор, шутку и шутил к этому всех, кто с ним соприкасался. Люди, не обладавшие чувством юмора, были ему просто не интересны. Помню, как он сердился на одного литератора, который жаловался на «злую», с его точки зрения, пародию.

— Да вы годитесь должны! — негодовал Чуковский. — Уж теперь-то вашу книжку расхватают, и не будет она пылиться на магазинных полках...

Прекрасно написал о Чуковском Иракий Андроников, что мы «еще не раз удивимся его вкладу в нашу культуру. Его влиянию на нас». Лучше не скажешь...

И ФАНТАЗИЯ

«Из всех моих портретов, находящихся в Чуковском, я считаю наиболее близким к оригиналу этот отличный портрет Ю. П. Анненкова».

К. Чуковский